

Моск. правда. — 1998. — 11 нояб. — с. 4

Тургеневские ступеньки

Без малого полвека назад Михаил Светлов написал стихи о сыне, который запоем читает Тургенева:

И, словно выхваченный фарой
...Встал пред глазами мир иной:
Вся красота усадьбы старой,
Вся горечь доли крепостной.

И у скольких из нас одно из первых впечатлений детства — «Бежин луг», «Муму», чуть позже — «Хорь и Калиныч» и уже все «Записки охотника»!

«Охотник порой сетовал на свои промахи, и нам, малолеткам, было еще невдомек, что чуть ли не каждый из его рассказов — меткий выстрел во врага («враг этот был — крепостное право», — писал впоследствии сам Тургенев). Но незаметно для себя, неосознанно читатель-«несмышлениш» одолевал некую ступеньку в познании людей, мироустройства, проникался сочувствием и состраданием и к скрытной муке и внезапному бунту немого Герасима, и к судьбе былой красавицы Лукерьи («Живые мощи»).

И, кстати, как горько, когда этого сопереживания не происходит, и истертая временем ступенька оказывается так и не взятой высотой! «Однажды в большой аудитории сельских учителей, — писал несколько лет назад профессор-литературовед Л.Финк, — я настойчиво спрашивал: «Есть все-таки книги, вызывающие слезы у ваших учеников?» Меня успокоили — есть. Например, «Муму» в четвертом классе... Прошло несколько лет. Мне позвонила одна из моих любимых выпускниц и сразу, без всякого объяснения, сказала: «Знаете, они уже не плачут!»

Меж тем писатель зовет нас дальше, знакомя с множеством новых героев с самыми разными характерами, взглядами, судьбами

и с чистейшими и самоотверженными Лизой Калитиной («Дворянское гнездо») и Леной Стаховой («Накануне») и подобными им «тургеневскими девушками», как нарекла их критика, и с вызывающими самые разноречивые оценки мятущимися, ищущими правды Рудным, Лаврецким, угловатым, колючим Базаровым.

Казалось бы, описываются «дела давно минувших дней», но жар их не остыл и доныне! Писатель жил в эпоху, подобную нынешней, и был не только свидетелем и участником трудно и мучительно совершавшихся в жизни России перемен, но и зорким и честным их летописцем.

Человек, чьими основными свойствами, по отзыву Салтыкова-Щедрина, были «благосклонность и мягкосердечие», Тургенев страстно увлекался соотечественников: «Время, в которое мы живем, принадлежит к числу тех, которые повторяются слишком редко — и все люди мыслящие, любящие свою родину, должны желать сближения и духовного сообщения».

За эти простодушные уговоры ему не раз жестоко доставалось с обеих сторон — и «справа» (возвеличил, дескать, Базарова, который, по словам реакционера Каткова, в романе «Отцы и дети» «подавляет все окружающее»), и «слева»: «вы вздумали выставить прогрессивную молодежь на поругание», — несправедливо корили его за тот же роман. Славянофилы считали Тургенева западником, западники же подозревали в симпатиях к славянофильству. Для революционеров он был недостаточно радикален, «умеренные» упрекали его за дружбу с Петром Лавровым и Германом Лопатиным.

Знаменитый и самоуверенный критик от-

рубил однажды: «Иван Сергеевич, мне скучно говорить с Вами...» А вот нам, грешным, век спустя после смерти писателя самое время вдуматься во многое, им некогда сказанное. Вот один из его любимых героев, Лаврецкий, горячо доказывает «невозможность скачков и надменных переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал...» Вот и сам Тургенев как будто прямо обращается к нам, детям уходящего века: «Мы смеемся над Дон Кихотом... но... кто из нас может, добросовестно спросив себя, свои прошедшие, свои настоящие убеждения, кто решится утверждать, что он всегда и во всяком случае различит и различал цирюльничий оловянный таз от волшебного золотого шлема?... Мы сами на своем веку, в наших странствованиях — видали людей, умирающих за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нечто, в котором они видели осуществление своего идеала...» А вот один персонаж, сравнительно эпизодический в романе «Новь», в реальной истории, но оказавшийся весьма многоликим, потерпев неудачу в мирной пропаганде своих идей, яростно сетует: «Надо было просто скомандовать, а если бы кто препятствовать стал или упираться — пулю ему лоб! Тут разбирать нечего. Кто не с нами, тот права жить не имеет...»

Мысли-предупреждения, строки-ступеньки, способные помочь подняться над всевозможными теориями, демагогической шумихой, партийными шаблонами, но... увы, далеко не оцененные по достоинству ни в свое время, ни даже в позднейшее.

Сам писатель с философским терпением переносил случавшиеся с ним незадачи: «А

что молодая критика меня будет бить палками — это ничего, — отвечал он на сочувственное письмо, — для моциона — ей полезно; а там все уляжется; и, быть может, она сама догадается, что была по своим».

Правда, в грустную минуту Иван Сергеевич казался себе похожим на Лаврецкого, который в самом конце романа, слыша «веселые клики уже заменившего его поколения... тихо встал и тихо удалился; его никто не заметил, никто не удерживал».

Тургенев умирал на чужбине с не покидавшей его никогда мыслью о России, даже в последние минуты, в полузабытые обращаясь к ее природе, к исхоженным когда-то полям и лесам со щемящей нежностью и лаской — «Прощайте, мои милые, мои белесоватые...» — как будто видя воочию утренний туманец над Бежиным лугом, «животрепещущие мостики» (каков эпитет!) над веселыми змейками рек, болотистые низины, где часами ставил на весенней тяге, — все воспетое им и в прозе, и в стихах, ставших знаменитым романсом:

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Вместо постскриптума.

В уже упомянутом светловском стихотворении уснувшему после чтения подростку снится, как «Иван Сергеевич Тургенев шоферу адрес говорит». Нынче можно как бы подхватить эту шутку и «уточнить», о каком же адресе речь. Не о том ли, где как раз к 180-летию со дня рождения писателя, наконец, справляет новоселье памятная старым москвичам и много перетерпевшая читальня, носящая его имя и некогда находившаяся на площади, где нынче станция метро «Тургеневская»?

Читатели, старые и малые, добро пожаловать в Бобров переулок, дом номер шесть!

Андрей ТУРКОВ.